

ДИАНА МАШКОВА

ПРОДОЛЖАЕТ ТРАДИЦИИ ФРАНСУАЗЫ САГАН.
ТОНКОЕ СОЧЕТАНИЕ НЕЖНОСТИ С СУРОВОСТЬЮ,
УМА С ЧУВСТВОМ, ГЛУБОКОГО ПСИХОЛОГИЗМА
С ПРОСТОТОЙ И ЯСНОСТЬЮ ЯЗЫКА ДОСТАВИТ
НАСЛАЖДЕНИЕ КАЖДОМУ.

ВКУС НЕБА

ТЫ, Я И ГИЙОМ

НЕЖНОЕ СОЛНЦЕ ЭЛЬЗАСА

ДОМ ПОД СНЕГОМ

ПАРИЖСКИЙ ШЛЕЙФ

ЖЕНЩИНА ИЗ ПРОШЛОГО

ЛЮБОВНЫЙ ТРЕУГОЛЬНИК

ОНА & ОН

ОБАЯТЕЛЬНАЯ ВЕРА

ДОЧКИ-МАТЕРИ

Я ХОЧУ БЫТЬ С ТОБОЙ

ЕСЛИ Б НЕ БЫЛО ТЕБЯ

ДИАНА
МАШКОВА

ПАРИЖСКИЙ
ШЛЕЙФ

р о м а н

ЭКСМО
МОСКВА
2015

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М38

Художественное оформление серии *С. Власова*

На обложке используется фоторабота *Елены Мартынюк*

Машкова, Диана.

М38 Парижский шлейф : роман / Диана Машкова. — Москва : Эксмо, 2015. — 384 с. — (Дела семейные. Проза Д. Машковой).

ISBN 978-5-699-79264-1

Жестоко наказала судьба красавицу Настю за доверчивость и наивность: вместо обеспеченной, счастливой жизни — унижения и одиночество, вместо любви — преданные, поруганные чувства.

Никто не подаст ей руки, чтобы поднять с колен, одна-ко Настя не из тех, кто сдается. Но сможет ли месть, которая стала целью жизнью, заменить счастье? И как поступит ныне успешная, состоятельная леди, когда в ее дверь однажды поступит прошлое?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-79264-1

© Машкова Д., 2014
© Мартынюк Е., иллюстрация, 2015
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2015

В провалах грусти, где ни дна, ни края,
Куда Судьба закинула меня,
Где не мелькнет веселый проблеск дня,
Где правит Ночь, хозяйка гробовая,
На черной мгле я живопись творю,
Всегда язвимый богом ядовитым,
И, как гурман, с могильным аппетитом
Свое же сердце к завтраку варю.

Ш. Бодлер¹

---

¹ «Призрак» (перевод с фр. В. Левика).

ЧАСТЬ 1

La Debauche¹

Глава 1

Настя проснулась рано. За окном сияло юное солнце, какое случается в Москве только в самом начале лета. Оно не жгло, не наглено: робко заглядывало в комнату и едва ощутимо прикасалось к телу нежным теплом. Настя гибко изогнулась под струящимся светом и с наслаждением потянулась в постели. Прохладная ткань шелковых простыней приятно ласкала спину. «Как быстро привыкаешь к хорошему», — пробежала незатейливая мысль. Девушка повернулась на бок, взглянула на часы, зевнула и, обняв подушку, снова закрыла глаза — не вставать же в такую рань!

Реальность постепенно снова таяла, в голове возникали туманные картины. Еще какое-то время Настя балансировала на грани яви и дремы, а потом безвольно нырнула в глубокий сон.

Она шла по узкой тропинке вокруг огромного озера с зеленовато-голубой водой, искала пляж, чтобы искупаться. Шла долго, оглядывалась по сторонам, любовалась ленивым знойным пейзажем, пока не увидела чудную лужайку у самого берега. Сочная трава

---

¹ Разврат (фр.).

была удивительно густой и гладкой. Настя потрогала зеленое покрывало рукой, присела. Потом легла и с наслаждением вытянула усталые ноги. Было хорошо: солнышко старательно согревало живот и грудь, трава приятно охлаждала спину. Настя перевернулась. Теперь стало тепло спине, а животу — прохладно. И вдруг эта прохлада зашевелилась. Стала расползаться по коже, залепила лицо. Настя в ужасе вскочила, пытаясь стряхнуть с себя холодные влажные комья, но они намертво прилипли к телу. Повинуясь инстинкту, Настя начала освобождать глаза, которым мешала раскрыться склизкая тяжесть на веках. С трудом отлепила шевелящиеся сгустки и закричала: на раскрытых ладонях копошились красно-коричневые клубки земляных червей.

Она кричала, не в силах остановиться, но не слышала ни звука — крик погружался в воздух, словно в вату. Борясь с тошнотой, бросилась в воду — на поверхности озера тут же расплылось живое облако извивающихся тварей. Настя в панике поплыла прочь. Ей удалось добраться почти до середины водоема, когда все вокруг вдруг вспенилось, забурлило, образовав громадных размеров водоворот. Увлекаемая в глубь воронки, потеряв от ужаса силы и разум, девушка перестала сопротивляться. Она готова была тонуть, но только не возвращаться к берегу, не прикасаться к омерзительному червивому облаку...

Настя очнулась в холодном поту, в слезах и с единственной мыслью: «Неужели спаслась?!» Мокрые пряди волос прилипли ко лбу, руки от страха дрожали. Она не помнила, что ей приснилось, только ощущала непреодолимый ужас, который объял во сне все существо. Мучительные обрывки мерзких ощущений накачивали и отступали, словно дьявольский прибор.

Телефон на туалетном столике вздрогнул — Настя тоже — и пропел надрывную трель. Девушка отшатнулась, трель повторилась, правда, звук уже не показался таким резким. Настя с трудом перебралась на другую сторону громадной кровати и, дрожащими пальцами впившись в трубку, поднесла ее к щеке.

— Да-а? — Голос прозвучал испуганно и тихо.

— Ты что, радость моя, еще спишь?

Звонил Николай. И, как всегда, в своем духе — даже не поздоровался, словно они и не расставались.

— Нет. Я проснулась. — Настя зябко поежилась от недавних, начавших медленно таять благодаря любимому голосу ощущений.

— А от чего моя девочка такая грустная? Настенька, посмотри в окно — небо голубое, солнышко светит, — он словно почувствовал ее состояние и теперь искусно излучал утреннюю бодрость. Хотя ранние побудки были совсем не в его вкусе. Господи, какой же он у нее внимательный и милый!

— Смотрю, — Настя слабо улыбнулась: его забота и впрямь начала действовать как лекарство, — светит.

— Тогда поехали!

— Куда? — Настя с трудом выбралась из постели — тело после отвратительного сна ломило, голова разболелась. Но если уж Николай сказал «поехали», то лучше начать собираться сразу.

— Ты что, забыла?! — притворно рассердился он. — Я же хотел показать тебе свой новый дом!

— Его достроили? — Прикрыв ладошкой рот, она зевнула: о своем загородном доме Николай рассказывал Насте уже целых полгода. И все это время — то едем, то не едем. Надоело. А сейчас, после кошмарного сна, она вообще не хотела шевелиться — накатили апатия и усталость. Словно тело только-только начало

приходить в себя после тяжелого гриппа: суставы ныли, а мысли в звенящей голове ворочались болезненно вяло.

— Да! — В голосе его на этот раз прозвучала натянутая веселость. — Давно пора! Но у нас же знаешь — как всегда...

— А надолго? — Настя, превозмогая головную боль, босой ножкой извлекала из-под кровати пушистые розовые тапки — левый, правый.

— Надолго, — Николай загадочно замолчал, — хотел сделать тебе сюрприз, ну да ладно, скажу. Мне наконец-то дали отпуск, на целых две недели!

— Что?! — Настя обрадовалась невероятно. Даже ломота в теле куда-то тут же пропала. — Это же здорово!

Прижав трубку к уху плечом, она запрыгала на месте, как маленькая, и даже захлопала в ладоши. Он ласково усмехнулся в ответ, и от этого на душе стало тепло и спокойно.

В последнее время они так мало виделись! Даже не каждый день. А она без конца, каждую минуту, думала о нем и хотела быть рядом. Обижалась на то, что звонит ей только утром и вечером, а днем — никогда; расстраивалась, что засыпает сразу же после; убивалась, думая, что уже не любит, что все так стремительно прошло. Но потом брала себя в руки и старательно убеждала — у него же работа, проблемы, вечная невротрепка. Надо понять.

— Я только родителям позвоню, — торопливо начала она оправдываться в трубку, — не отпрашиваться, не думай, но нужно предупредить. Все-таки две недели.

— Позвони, — Николай усмехнулся, а потом в голосе зазвучали стальные нотки, — хотя, на мой взгляд, ты давно уже взрослая женщина.

— Благодаря тебе, — Настя хотела угодить ему, чтобы как можно быстрее закрыть эту тему: взаимная, а главное, исключительно заочная неприязнь родителей и любимого человека была единственным черным пятном в ее новой прекрасной жизни. И если маму с папой еще можно было понять — ее молодой человек был для них не больше чем фантом тридцати лет по имени Коля, и они привычно волновались за дочь, да так сильно, что поначалу чуть не разрушили с ней все отношения, — то ему-то на что было злиться? В их жизнь родители не вмешивались, хотя могли. И это он не хотел знакомиться с ними, а Настя ему подчинилась, потому что любила. Страстно. Неосторожно.

— Умница! — похвалил Николай. — Все-то ты понимаешь.

— Да-а-а, — Настя улыбнулась и тайком вздохнула от облегчения: буря прошла стороной, — твоя же школа.

— Точно, — Николай снова пришел в самое доброе расположение духа, — ладно, собирайся. Через полчаса буду.

— Кто бы сомневался, — Настя рассмеялась: если Николай что-то задумал, то все кругом должны тут же построиться и это исполнить, — уже бегу в душ — и одеваться.

— До встречи!

В трубке послышались короткие гудки. Настя торопливо бросила ее на рычаг и побежала в ванную комнату. Времени было мало. Нужно волосы вымыть и высушить, одеться, вещи собрать. Николай, с его начальственными замашками, привык, чтобы все вокруг него было организовано как нужно — за две секунды. Настя улыбнулась, вспоминая обычно суровое, но та-

кое любимое выражение его лица, шагнула в душевую кабинку и открыла воду.

В дверь позвонили как раз в тот момент, когда она выбрасывала из шкафа на кровать одежду, размышляя, что с собой взять. Огромная спортивная сумка в ожидании лежала рядом. Настя тяжело вздохнула — вовремя собраться не успела, теперь не избежать урагана, точнее, цунами — и отправилась открывать.

— Привет! — Он чмокнул ее в губы, на секунду крепко прижал к груди. — Ну как, собралась?

— Почти, — Настя потянулась за вторым поцелуем, чтобы он не сразу увидел разбросанные на кровати вещи, и тихо пожаловалась: — Только не знаю, что с собой брать. Там не холодно?

— Господи, июнь на дворе! — Он опять начинал раздражаться. Устал, наверное, за последнее время со всеми этими новыми проектами на работе. — В доме, если нужно, — газовое отопление. Еще вопросы будут?

— Не знаю, — Настя вздохнула. — Ты проходи, я сейчас быстренько вещи соберу, и поедем, ладно? Всего пять минут.

— Эт-то что за гора?! — Николай возмущенно застыл на пороге, Настя сжалась в комок. — Та-а-ак, ты, дорогая моя, складывать ничего не будешь — я сам. Иначе мы с тобой и к ночи никуда не попадем. Ты что, уже замерзла?

— Нет, — испуганно пролепетала она.

Какой же он вспльчивый, дикий и какой... неотразимый в своем гневе! Рвет и мечет, кажется, еще чуть-чуть — и может задушить, способен ударить, но вместо этого начинает целовать, бросает на кровать, чтобы любить до потери разума, до иступления. Настя уже давно и необъяснимо полюбила его бояться. Стоило Николаю прикрикнуть, и по телу разбежались пре-

дательские мурашки, разливалась волна возбуждения. Как только этот мужчина додумался выработать у нее такой рефлекс?! Как умудрился научить ее превращать страх в сладострастие?!

— С чего это ты взял, что я замерзла? — дрожащим шепотом спросила она.

— Какого черта ты тогда надела джинсы? У нас что, юбочки в гардеробе перевелись?!

— М-м, — Настя, понимая, что любимый уже заметил ее состояние и начал играть, как кошка с мышкой, попыталась спрятать глаза, — я подумала, что ехать далеко в юбке неудобно, к тому же ведь лес, комары...

— Думать буду я, о'кей? — Он прошел в комнату и по-хозяйски лег на кровать, прямо на одежду, подперев ладонью щеку. — А ты будешь привычно делать то, что тебе скажут. Ну?

— Чт-то — ну? — Голос у Насти уже срывался.

— Раздевайся, — приказал он.

— Ты что, даже не отвернешься? — Она покраснела.

— Я?! Нет. Так снимай! Будем подбирать тебе одежду, — он, чуть приподнявшись, меланхолично покопался в куче вещей под собой.

— И что мне? Все снимать? — совсем тихо пролепетала она.

— Все. Ну? — Николай уже говорил жестко и даже грубо.

Настя тяжело вздохнула, поколебалась несколько секунд и расстегнула узкие джинсы. Потом начала стягивать их, немного виляя бедрами, чтобы они лучше сползали.

Она и сама не могла понять, откуда взялась в ней эта страсть к приказам. Стоило Николаю повысить голос, вплести в него властные нотки, как она таяла прямо на глазах. Растворялась в непрошеном, жгучем

возбуждении, с которым невозможно было бороться. Странная болезнь подчинения была неразрывно связана с безумной любовью к единственному в ее жизни мужчине. Попробовал бы кто-нибудь другой при каких угодно обстоятельствах! Даже подумать страшно, что бы она с этим несчастным сделала.

За джинсами настала очередь футболки, которая медленно поехала вверх, обнажая загорелый живот и кокетливо запрятанную в кружевной лифчик грудь. Потом Настя села на пуфик возле туалетного столика и, дрожа, начала стягивать белые носочки.

— Я что, разрешал тебе садиться? — Она даже подпрыгнула от слишком громкого окрика. — Нет? Быстро вставай! Подойди сюда. Достаточно. Правую ногу поставь на кровать.

Настя, пряча глаза и стыдливо прикрывая лицо ладонями, подчинилась. Его рука медленно заскользила вверх, от щиколотки к колену, потом — к внутренней поверхности бедра. Он продвигался осторожно, чертил пальцами разные линии, возвращался назад и снова поднимался.

— Так ты уже на все готова, противная девчонка? — Николай укоризненно, но с довольной ухмылкой покачал головой. — Значит, и белье тебе тоже придется снять.

Он убрал руку, продолжив свои поиски в ворохе вещей.

— Я с-сняла, — прошептала Настя, застывая на согласных. Она пыталась заглянуть ему в глаза, чтобы дать наконец понять, что терпеть больше не может. С головы до пят ее охватила сладостная дрожь.

— Да? — Он едва взглянул на ее лицо, застывшее в мольбе, на чуть сдвинутые брови, на светящиеся жела-

нием глаза и загадочно улыбнулся. — Лапочка, я тоже тебя хочу, но нам нужно немедленно ехать!

Настя почувствовала себя так, словно ее окатили ведром ледяной воды. Захотелось сжаться в комок, лучше вообще исчезнуть, но только не ощущать себя бестолковым щенком, которого взяли на прогулку, раздражили, а потом посадили на поводок. Она старалась не выдать своей обиды: кто-то когда-то внушил, что обижаться — глупо. Молча взяла белую шелковую блузку с коротким рукавом, которую он протягивал. Надела. Сквозь нежную ткань явно просвечивала грудь. Но лифчика он не дал. Порылся еще — нашел темно-синюю юбку и такого же цвета гладкие трусики.

— Ну и что мне на ноги с этим надеть? Мы же, кажется, за город — там грязь, дороги плохие. — В голосе дрожала досада, но Николай и ухом не повел.

— Наденешь босоножки. А грязи никакой нет — ты меня обижаешь, — он снизошел наконец до нежного ободряющего взгляда и ласкового, едва уловимого, поцелуя. А потом сосредоточенно занялся набиванием сумки.

У Насти, как всегда моментально, отлегло от сердца. Она уже сама перед собой привычно оправдала его — может, действительно времени нет, а может, он хочет, чтобы сегодня все было по-особенному. И искусно играет ее возбуждением, намерившись довести его до предела, чтобы потом...

Серебристый «Рено» стоял, загораживая вход в подъезд. Настя улыбнулась. Ну, конечно, ее дорогому Николаю наглости не занимать.

Сумка была отправлена в багажник. Настя села вперед, задев плечом услужливо раскрытую перед ней дверцу: и как только в этом непостижимом мужчине сочетаются галантность и хамство, нежность и безраз-